

МАКАР

ЛИСИЦА

**СТРАННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
МАЛЕНЬКОГО
ЧЕЛОВЕКА**

16+

Макар Лисица
Странное путешествие
маленького человека

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32832334
SelfPub; 2018*

Аннотация

Что будет, когда всё закончится? Абсолютно всё. И боль, и радость, и печаль, и надежды на её прекращение. Быть может мы сядем в ждущий нас всю нашу жизнь поезд и просто поедем туда, куда он нас повезёт?

СТРАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Глава 1.

Я всё ещё здесь

«Теперь я знаю. Не все цели будут достигнуты, не все точки будут пройдены. Однажды я задам себе новую, грандиозную и манящую за горизонты цель, намечу контрольные точки но не успею дойти. Просто не успею. Просто на этот раз не хватит сил.

А там меня будут ждать. Будут верить и надеяться. Будут убеждать себя, что всё это не правда, что всё ещё получится. Но не дождутся. Там у них появятся свои цели и они там наметят свои контрольные точки. И пойдут уже без меня.

Однажды я просто не успею.»

(Карл Левансен 1971 год)

Трудно теперь, лёжа в бреду, в забытии, будучи запертым в этой серой больничной палате освещенной тусклым светом лампочки угрюмо висящей под потолком вспоминать ту недавнюю ночь. Ночь разделившую мою недолгую пока ещё жизнь на беззаботное «до» и непонятное «после». Ночь, как

я теперь понимаю ставшую главной в моей жизни, определяющую меня как личность, ставящую точки там, где мы их не ожидали.

Ночь сама по себе почти ни чем не отличается от многих ночей, что были до и многих, я уверен, что будут после неё. Тихая, прозрачная, по осеннему прохладная, она была прекрасна. Она нежно взяла нас на руки и так же нежно убаюкала, разморила, растворила в себе. Усыпила весь замок Легрен— летнюю резиденцию, слуг, дворецких, конюхов и садовников.

Кем я был до той ночи? Имеет ли теперь это значение? Наверное имеет. От этого зависит кем я потом стану. Вернее как я буду ощущать и понимать то своё новое состояние каким бы оно ни было. Мне почти четырнадцать. Мне повезло в жизни больше чем многим в этом мире, ведь не абы кто, а племянник самого князя Вильгельма. О чём ещё мечтать в этом возрасте? Я окружен роскошью, достатком и заботой. Со мной носятся как с величайшей ценностью и чуть ли не в пятки целуют, мне кланяются, мне лебезят. И я в этом растворяюсь и принимаю как само собой разумеющееся.

Под опеку князя Вильгельма третьего из рода Левинган я попал в свои семь лет после смерти моей матери, его младшей сестры Елены. Не помню, а может и не знаю, что стало причиной её внезапной для меня смерти. Она ушла молодой. Помню лишь, что в последнее время она очень сильно горевала. Горевала, как я теперь понимаю по мужу, моему отцу.

Отца к тому времени с нами не было уже как два года. Служа в княжеской гвардии он часто и по долгу находился в южных колониях, как правило подавлял там постоянно возникающие мятежи, а потому при жизни его мы не были близки как это наверное бывает у большинства отцов и детей. Возможно мой отец думал, что пока я мал это и не требуется и он успеет наверстать упущенное по моему взрослению. Но не успел. Очередной мятеж оказался сильнее его и хоть сам мятеж конечно же был подавлен отец об этом уже ни когда не узнал.

Сын князя— наследник Михаил Левинган мой лучший друг и смею я надеяться, что это взаимно. Ему уже семнадцать. Мы вместе учимся в кадетском корпусе его сиятельства, но знатное имя наследника и моё с ним тесное родство выделяет нас на фоне прочих курсантов. Нет, по чину нам ещё не полагается задирать нос, но то по чину, а не по гонору. Сколько совместных проказ и авантюр устраивали мы и в замке и за его пределами, одному чёрту лишь подвластно сосчитать. Счастливые были времена. Беззаботные.

Миша. Мой добрый друг Михаил. Только теперь, здесь, зарывшись в промокшие простыни опутавшие меня своими мертвецкими оковами я понимаю как любил и ценил его. Как брата и как отца, как учителя и как друга, как хранителя моих секретов и единственного моего защитника. Теперь он мёртв. Я знаю. Я видел. Тело его в ночной рубашке с расплывшимися красными пятнами повесили над ворота-

ми. То ли для верности, то ли желая кому-то что-то доказать. Не знаю сколько мне осталось, но уверен, что образ этот будет со мной до конца моих дней. До того, как я увидел его мёртвым я не верил в происходящее. Я не верил слыша гам и грохот выстрелов за окном. Я не верил видя обезумевших от ужаса бегущих куда-то слуг. Я не верил когда в мою комнату выломав с треском двери ввалилась толпа, когда меня куда-то потащили, когда в коридоре я заметил торчащие из-за угла чьи-то ноги в офицерских сапогах. Не верил в изломанные трупы часовых заливших парадную лестницу по которой меня тащили. Увидя же Мишу, Мишутку, как называл его князь во мне всё оборвалось и сердце остыло, перестало биться. Я понял, что это конец. Конец всему.

Во время нападения, во время расстрела часовых, в тот момент когда меня тащили во мне не было страха. Я сам тогда этому удивлялся и понимал, что это не логично, не нормально, страх должен быть. Наверное адреналин задушил мой страх. Когда же я увидел труп повешенный на воротах страх не появился, появилась безграничная пустота, апатия, желание быть в этот момент рядом, висеть на соседней верёвку. Но вместо этого меня тащили дальше, в темноту прохладной ночи. Помню как бросили в грузовик и долго куда-то везли. Помню как заперли в эту серую палату, где я лежу почти не вставая уже третьи сутки.

Я не знаю и не понимаю что же случилось той ночью. Я не знаю что стало с князем. Я не знаю где я теперь. И я не

знаю зачем я здесь. Я ни чего не знаю, но главное я всё это и знать не хочу. У меня нет мыслей, нет переживаний, нет чувств. Я просто жду и надеюсь, что скоро всё это закончится. Жаль, что человек не может выключить себя на подобии той лампочки, что своим тусклым светом лишь подчеркивает серость и омерзительность моей тюрьмы. Сейчас бы я не задумываясь нажал на тот рубильник. Но я лежу и жду. И надеюсь, что кто ни будь другой выключит этот свет.

Весь мой мир сжат до размера этой комнаты размером два на три метра с зарешёченным арочным грязным окном. К окну придвинута железная койка со скрипучими пружинами и продавленным, бугристым матрасом. Нет ни тумбочки, ни шкафа, ни умывальника. Только старый стул, стоящий у двери вносит хоть какое-то разнообразие. В прочем меня это ни как не заботит. Я лежу и смотрю в серый потолок.

Я хочу быть один. Совсем один во всём огромном мире. Ну раз уж мир мой не так огромен то хотя бы оставьте меня одного здесь, в этих четырёх стенах. Наверное чувствуя мои желания и не желая давать мне покоя я и этого не могу получить. Меня не оставляют. Время от времени ко мне приходит старуха. Молча приходит, молча приносит еду, молча ставит тарелку с пресной кашей на стул, забирает пустую и молча уходит. Её визиты для меня неожиданны и от того ещё более неприятны. Звук, который её сопровождает— лишь лязганье ключа в замке. Старуху я не разглядывал, заметил лишь её худую фигуру в черном балахоне, да костлявые руки с узло-

ватыми, скрюченными пальцами. Всегда в её визиты я неподвижно лежал в кровати с обычно прикрытыми глазами и ждал скорейшего её ухода, скорейшего лязга в замке. Нет, после этого я не вставал, не начинал бегать и прыгать, я вообще обычно не менял положение своего тела, но на душе становилось чуть легче.

Ещё моим посетителем был грязный дед в кожанке и с обрезом торчащим из-за плеча. Его бородатую морду я хорошо запомнил. Вынужден был запомнить. Это он меня выволок из грузовика, притащил, и бросил как бродячую собаку в эту конуру. Есть у него ещё одна заметная отличительная особенность. От него нестерпимо воняет. Табачный этот перегар сшибает с ног, сгибает, проникает в самое сознание и чёрной кислотой, мгновенно разъедает, убивает. И не скрыться.

Это зловоние появляется перед приходом хозяина. Своего рода глашатай его величества. Смешно, но тошно. Приходит раньше, опережая даже гулкий топот каблуков эхом дробящийся по пустому коридору, а потом, после ухода хозяина ещё долго, очень долго душит, терзает, смеётся над своей жертвой.

Дед этот приходит обычно утром и вечером. Хватает меня или за руки или за ворот и тащит на положенный мацион, то есть в туалет. Ему не важно надо мне или нет, ему не важно сопротивляюсь я или нет, он просто получает удовольствие от того, что делает. Я это чувствую. Бессловесная тварь.

Вчера вечером слыша шаги и чувствуя нарастающую вонь перегара я заранее сел на кровать в ожидании своего конвоира. Он с грохотом отворил дверь. К табачному перегару отчетливо примазался ещё и запах самогона. Дед подвинул к открытой двери стул и сел, поправил теперь упирающийся ему в спину обрез и направил его небрежно на меня. Оскалился обнажив ряд железных зубов. Достал из кармана куртки папиросы, выдернул одну зубами. Затем достав спички закурил всё время поглядывая на меня и цедя свой железный оскал. «Вот сейчас» подумал я и стал ждать. Но ни чего не происходило. И не произошло. Деду просто доставляет удовольствие вот так давить, терзать, смотреть на реакцию. Думаю не я первый с кем он это проделал. Дед был доволен. Докурив он швырнул в угол окурков, не спеша встал, схватил меня за предплечье как можно грубее и потащил на вечерние процедуры. Не помню как потом уснул. Просто растворился в темноте и всё.

Проснулся ночью. Темно, хоть глаз выколи. В такой темноте черти любят наблюдать за спящими невинными детьми. Наблюдать и ждать удобного момента, когда можно схватить, укусить, напугать.

Проснулся, а вернее просто открыл глаза и вернулся из забытья от неприятного, противного чувства. Сперва не понял, что со мной. Чем это отличается от того, что было вечером, днём, утором, вчера и позавчера.

Сообразил. Постель мокрая и холодная. Я жутко пропотел и то серое тряпье, что теперь должен я называть постелью впитало этот холодный пот. Впитало мой страх и отчаяние.

Неуютно. Противно. Тело щиплет и знобит. Но я лежу почти не шевелясь, уставившись широко раскрытыми глазами в черноту непроглядной ночи. Мне всё равно. Мне теперь всё равно. Я теперь ни кто и не где, а значит у меня нет ни чувств ни страданий. Меня значит теперь и вовсе нет.

Мысль: может я умер и так на самом деле ощущается смерть? Тогда интересно, она только мне так ощущается или это универсальное явление и все ему подвластны? Если только мне так "повезло" то обидно наверное. Кто-то умирает в тепле и покое, а я вот в холодном поту утопаю. Если смерть всем одинакова то значит всё сейчас нормально и я должен быть спокоен. Я и есть спокоен. Странные мысли, глупые, неряшливые и пустые. Но сейчас только они у меня.

Я незаметно погружаюсь в эти мокрые серые простыни, я незаметно в них тону и растворяюсь.

Проснулся я только утром. Простыни были такие же холодные как и ночью. Я ещё не умер. Жаль. Я ведь так хорошо всё представил.

На этот раз я проснулся не от холода или тревоги, меня разбудила приближающаяся, нарастающая за дверью суета и ругань. Когда этот клубок невидимой, но хорошо ощущаемой ненависти докатился, дотопал, доорал до двери всё

вдруг стихло. Те люди за дверью на мгновение замерли, умолкли. Прислушиваются.

Я не видел кто там сейчас за дверью, но одного я точно узнал, по запаху, по его предвестнику— табачному перегару. Я спокоен. Спокоен потому, что ночью я умер, а теперь просто воскрес. "А чего бояться тому, кто однажды уже умерал?" думалось мне.

Лязгнул три раза ключ. Дверь быстро открылась и из сумрака коридора широким шагом вошёл дед в кожанке, всё так же с обрезом за спиной. Вошёл и посторонился уступая кому-то дорогу. Следом вошла старуха в чёрном, та, что обычно приносит мне жратву. На левой руке несла она стопку чистого, аккуратно сложенного постельного белья. Чёрный её балахон траурно шуршал по грязному полу, глаза сверкали злобой, ненависть и призрание исказили сухое серое лицо.

Дед было взял стул, развернул его и готов уже был плюхнуться, но старуха рывкнула на него и тот недовольно оскалившись вышел обратно в коридор.

Старуха грохнула захлопывая дверь. Я всё это видел смутно, сквозь едва приоткрытые веки. Я её не боялся, но делал вид, что сплю. Общаться мне не хотелось с ней ни в какой форме. Общаться мне вообще ни с кем не хотелось. Раз я один, то хочу быть один.

Старуха кинула наволочки и простыни на так и не занятый моим тюремщиком стул, подошла к кровати нависнув

надо мной черным мертвым деревом и замерла как будто в нерешительности. «Чего ждёт, чего хочет?» гремел у меня в голове вопрос, «быть может, испытывает сострадание, жалость ко мне? Только мне оно не нужно». И жалости не было. Постояв ещё немного старуха схватила простыню и начала рвать её из под меня. С силой рвать, остервенело, с презрением. Я вскочил и отпрыгнул в угол. Я не знал, что делать и куда от этого всего скрыться. Я забился в угол. Старуха побросала бельё на пол под дверь, а на пустой грязный матрас небрежно, спешно расстелила те тряпки, что принесла с собой. Всё это она как и прежде делала без единого слова. Я чувствую её ненависть, я чувствую её презрение, но не слышу ни брань ни упреков ни обвинений. Ненависть на столько сильна, что понятна и без каких либо слов.

Дни тянулись серыми сгустками. Сколько их прошло? Пять, семь, десять? Меня кормят, водят в туалет, иногда меняют постельное бельё. Мои тюремщики не сменились и к ним я почти привык и потому вовсе перестал обращать на них внимание. За окном слышался галдёж, надсадный рокот моторов, лай собак в захлёб и чавканье грязи под ногами бегущих строем солдат в незнакомой для меня форме. Я начал к этому всему привыкать. Та жизнь, что была «до» начинала казаться мне бредовым сном, начала расплываться в тумане воспоминаний, а жизнь, настоящая жизнь вот она здесь, такая серая, как есть и другой у меня не было, нет и не будет. Ночи тут были под стать тем серым днём, что их

чередовали. Чёрные, непроглядные, глухие, без снов. Иногда открыв в темноте глаза я не понимал сплю я или нет, на столько стёрлись границы восприятия.

Раньше я панически боялся тишины и теперь это напомнило о себе. Однажды ночью открыв глаза я уже по обыкновению не понял, не смог оценить своё состояние. Я остаюсь в сознании, я спокоен, трезв, рассудителен. Просто теперь я расслаблен. Мысли стали вязки, тягучи, тяжелы. Нести их, работать с ними мне трудно.

Вспомнил свой шумный класс в кадетской академии. Почему-то вспомнил. Я в классе, кругом суета, гам, беготня. Перемена. Я отбиваюсь и нападаю, спорю и слушаю. Я часть этой суеты, я часть этого мира. Я это понимаю, но не придают этому значение. Позже я пойму, что я для этого мира не незаменимый элемент. Я пойму, что этот мир делает меня, а вовсе не на оборот. Мне будет тошно от той мысли, но я успокоюсь. Хочется быть центром хотя бы своего мира, но даже в своём мире мы всего лишь декорации к общей его картине. Класс, шумит, гудит, галдит. Не помню как это произошло, что случилось, но внезапно и незаметно для себя я понимаю, что наблюдаю за своим классом с высоты, откуда-то из под потолка. Я вижу суету и гам и что более удивительно я вижу себя в центре этого всего, но я спокоен, я почти недвижим. Я пытаюсь закричать, привлечь внимание, страх начинает подкрадываться, но крика нет, беззвучно я напрягаю горло. Но чем больше я пытаюсь кричать тем тише

становится мир вокруг. Мир совсем стихает, а я поднимаюсь всё выше и выше. Помню свой страх от этой тишины. Парализующий страх. Безграничный ужас.

Я снова лежу и смотрю непроглядную в темноту. Что-то не так. Я чувствую, что сейчас что-то иначе. Почти каждую ночь я вот так просыпаюсь и всматриваюсь в темноту. Я её изучил на столько, что бы отчётливо понять, на этот раз темнота отличается. Я ещё не понимаю что меня встревожило, чем эта чернота отличается от всех, что были до неё но меня начинает душить страх и паника. Почти та, что вот только что я видел в своём то ли сне, то ли бреду.

Я захотел закричать, нестерпимо захотел закричать и наверное закричал бы, но в этот момент где-то надо мной с шипением на миг вспыхнул красно-жёлтый огонёк. Вспыхнул, что бы тут же погаснуть оставив после себя лишь красное пятнышко и врезавшиеся в память два угрюмых чёрных силуэта застывших над моей кроватью.

Один, тот, что чиркнул спичкой— дед. Странно, как я не почувал его перегар лишь теперь резко ударивший мне в ноздри. Второй, с упитанным щекастым лицом, круглых блеснувших очёчках и шляпе показался мне смутно знаком. Лицо его мелькнуло на мгновение, но я был уверен, что этого типа я раньше точно где-то видел. Но думать не получалось. Вспыхнул фонарик и ударил прямо в лицо ослепив меня. Кто-то, судя по пухлой руке тот, второй схватил меня за подбородок и грубо, бесцеремонно начал крутить мою голову их

стороны в сторону явно рассматривая повнимательнее. Фонарик погас и после его яркого луча я погрузился в цветастое ничто. Топот ног, лязгнул ключ в замке. Сердце бьётся так, что кажется от этого грохота дрожат стёкла. Под окном слышались голоса. Там о чём-то спорят, что-то решают. Слов не разобрать, но напряжение чувствуется. Что это сейчас было? Кто и зачем приходил на меня смотреть? Может быть меня скоро выпустят? Или может быть...

Ещё очень, очень рано. Так рано я тут ни разу не просыпался. Сквозь грязное окно пробиваются лучи восходящего солнца и перекрашивают мою гробницу в бледно розовый цвет. Есть что-то странное в этих первых лучах, что-то необычное. И я понимаю что. Эти лучи— первые лучи пробившиеся сквозь это грязное окно за всё время моего тут заточения. Первое солнечное утро первого солнечного дня. Я лежу, впервые смотрю на розовые стены, на розовый потолок и так мне становится тоскливо, так выть хочется, что сил моих больше нет. Ведь оно дразнит меня. Оно, это солнечное утро издевается. Оно там, бодрое, весёлое, говорит мне: «давай, пойдём, ну что же ты не встаёшь, ах да, ты же прикован к этой постели, ты же ни когда больше не выйдешь оттуда.». Дрянь. Сволочь. Гадина. Слезы катятся большими каплями. Я всхлипываю и начинаю рыдать. Впервые за всё время моего заключения.

Солнечное утро взбудоражило похоже не только меня. За

окном урывисто и беспорядочно загудели моторы, забежали, засуетились, загалдели. По началу я не придал этому существенного значения, но быстро понял, что шум за окном сейчас сильно отличается от того, что было раньше. Если раньше я слышал монотонный, ритмичный, скучный шум, то сейчас это был настоящий гвалт, суета, можно даже подумать, что паника. Там явно что-то необычное происходит. Утерев уже начавшие высыхать слёзы я выглянул в окно. Действительно. Грузовики беспорядочно ёрзают туда сюда пытаюсь выскочить в узкий проём ворот. В эти грузовики на ходу прыгают солдаты, которые вчера ещё строим месили грязь под этим окном. Кто-то орёт, кто-то мечется с чемоданами. Похоже все просто-напросто разбегаются. Крысы. Значит про меня просто забыли.

Из под моего окна как бобы посыпались какие-то люди в одетые кто в чём. Кто-то в ночные рубашки, кто-то лишь в подштанниках, кто-то в мундире гвардейца, кто-то просто в гражданском. Руки у всех связаны, но по тому, с какой скоростью они бегут мне сперва показалось, что эти смельчаки пытаются сбежать под шумок. Начал было радоваться за них, пока не увидел толкающих их конвоиров. Конвоиры штыками подгоняют пленных к кирпичному забору и даже не дождавшись пока те добегут до самой стены начинают стрелять. Стреляют в спину. Почти не целясь, спешат. Грохот и серый пороховой дым заволакивают небольшой двор больницы. Дым сносит ветер и теперь я вижу скорчившиеся тела.

Ни кто не шевелится. Про них не забыли.

По коридору грохочут шаги. Быстро, ритмично. Сердце моё замирает. Про меня тоже не забыли. Все мысли о желании скорой смерти куда-то испарились, убежали, попрятались. Я теперь хочу слиться с этой тюрьмой, с этой койкой, с этим грязным окном, лишь бы меня не заметили. А может сражаться? Откроет дверь и я брошусь в атаку? Ведь так у меня хотя бы будет шанс. Ведь понятно же, что со мной вот так же как с ними, теми, чьи безжизненные тела лежат сейчас в луже под забором. Но я не хочу. Я понял, я боюсь этого.

Лязгнул замок, распахнулась дверь. На пороге дед. Обрез смотрит на меня. Дед махнул обрезом, мол выходи. Я замешкался. Вот сейчас, давай, прыгай на него. Нет, чуть позже. Подойду поближе.

—Ну,— рывкнул дед— пошёл.

И я пошёл. Вышел в коридор. Дед меня пропустил. Ткнул стволом меж лопаток.

—Иди, не оборачивайся— скомандовал он.

Коридор узкий, едва освещён тусклыми лучами проникающим через полукруглое окно над дверью в конце него. Толкает, подгоняет меня к той двери. Мне нужно бежать. Ещё немного. До двери осталось всего пять шагов. Дед где-то сзади. Остановился. Я чувствую это по удаляющемуся его тяжелому дыханию. Но я иду. А надо бы бежать. Я хочу бежать, но ноги мои немеют, подкашиваются от страха. Всё тело начало знобить и колотить. Каждый шаг стал для меня невыно-

симо труден. Ноги еле двигаются. Но я делаю шаг, ещё шаг. От этого озноба двоится, мутится в глазах. Но я чувствую, спасение всего в двух шагах, там, за дверью. Но я могу не дойти. Я задыхаюсь. Стены и потолок коридора сужаются, давят на меня, душат. Воздуха нет даже что бы закричать. Я почти падаю. Ещё шаг. Ноги со скрежетом волочу по избытому паркету. Ещё шаг и я наваливаюсь на железную ручку замка. Только бы не заперто. Не заперто. Ручка покорилась, нажалась и клацнул засов. Почти падая я потянул дверь и та открывшись раскинула передо мной цветущий сад. Тёплый, ароматный воздух нежно обнял меня и тут же согрел. Дрожь ушла, помутнение в глазах рассеялось. Поступь стала лёгкой и свободной. Я шагнул за порог и только теперь удивился.

Глава 2.

Поезд отправляется точно по расписанию.

"В том саду нет цветов и трав. В том саду нет поющих птиц и журчащих ручьев. В том саду нет надежды на чудо. Но лишь одно меня там печалит. В том саду нет тебя."

(Георг Эргман. Письмо к Паоле. 1893 год)

И снова я ни чего не понимаю. Откуда тут этот цветущий сад? Откуда тут эта зелень? Неужели сейчас весна? Но я же помню холодные серые осенние дни, промозглый ветер за грязным окном, рваные тучи загадившие небо от горизонта до горизонта. Быть может меня куда-то незаметно перевезли? Быть может я провалялся в коме и очнулся лишь весной? А ещё так может быть, что я просто сошёл с ума. Мне нужно обернуться и просто спросить старика, что вёл, толкал меня к этой двери. Но я не обернулся. Побоялся, что дед опомнится, схватит меня и потащит снова в какой ни будь чулан где я снова буду торчать в ожидании своей личной неизвестности не ведомо сколько времени. Я шагнул за порог, из темноты на свет и солнце пробиваясь сквозь цветущие деревья яблонь и черешни ослепительно резанул мне по глазам. Наверное с минуту я жмурился, привыкал, моргал закрываясь от этого нестерпимого света ладонью. Сумел оглядеться. Сад прекрасен. Любой сад в это время чист, свеж и прекрасен, но почему-то именно этот показался мне особенным, невероятным, почти волшебным. Наверное всё дело в контрасте, думалось мне. После серой больничной палаты с ржавой кроватью и миром видимым лишь через грязное окно любой чахлый куст должен казаться чем-то волшебным и неземным. Что уж говорить про целый цветущий сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.